Сергей ТИТОВ
г. Петрозаводск

Флотилия и дивизия

О боях на Ладожском и Онежском озерах в 1919 г.

Весной 1919 г. берега и воды Ладожского и Онежского озер стали театром военных действий.

С севера, в основном вдоль линии Мурманской железной дороги, двигались войска стран Антанты и части белогвардейцев. С запада разворачивалось наступление Олонецкой добровольческой армии белофиннов. С советской стороны на этом обширном, раскинувшемся от берегов Ладоги до Водлозера участке фронта действовали полки 1-й стрелковой дивизии, озерные фланги которых прикрывали корабли Онежской озерно-речной флотилии. Итоги последующих событий хорошо известны. В конце июня были разбиты и отброшены за границу финские добровольцы, осенью, после нескольких месяцев напряженных, проходивших с переменным успехом боев, были вынуждены покинуть Россию англичане, а полгода спустя прекратила свое существование белая армия.

Действия советских войск получили высокую оценку политического и военного руководства страны. «Наши красные войска, – говорил в декабре 1919 г. наркомвоенмор Л. Д. Троцкий, – обыкновенно привыкшие наступать или при долгом застое разлагаться, ...на севере создали части, которые, несмотря на неподвижность фронта, отличаются превосходным упорством. (...) В лице северной армии мы имеем в тяжких и неблагоприятных условиях честного и верного часового Советской республики». Эти слова в равной степени относятся как к красноармейцам 1-й стрелковой дивизии, так и к морякам Онежской флотилии, чью деятельность также высоко оценил побывавший в Петрозаводске командующий Морскими силами РСФСР Е. А. Беренс.

К истории боевых действий на территории Олонецкой губернии ученые обращались неоднократно, справедливо отмечая, что наибольших успехов советские войска добивались тогда, когда удавалось наладить совместные действия сухопутных и морских сил. При этом основной акцент делался на «умелом взаимодействии» и «поддержке», которую в ходе боев моряки и пехотинцы оказывали друг другу. Возражать против этого смысла нет, потому что в пользу подобного рода заявлений неопровержимо свидетельствуют как результаты отдельных операций (Видлицкой, Лижемской и ряда других), так и общий итог кампании 1919 г. Вместе

с тем уже на страницах изданного в 1920 г. «Годового отчета деятельности Онежской флотилии» можно найти намеки на то, что отношения, складывавшиеся между армейским и флотским начальством, были далеко не безоблачными. Об этом же в 1929 г. писал на страницах журнала «Морской сборник» и К. А. Безпальчев, который в 1918 – 1919 гг. командовал одной из канонерских лодок Онежской флотилии.

Само собой разумеется, что все высказывания облекались в достаточно корректную форму, в связи с чем на них можно было бы и не обращать внимания. Однако документы, хранящиеся в фондах архива ВМФ, свидетельствуют о том, что осенью 1919 г., в разгар боевых операций на Онежском озере, между сухопутным и морским командованием возник нешуточный конфликт, отзвуки которого долетели до самых верхних эшелонов военного руководства Советской республики. Историки об этом по понятным причинам никогда прежде не упоминали. Между тем все происходившее кажется интересным как на общем фоне истории Гражданской войны в России, так и в контексте военных событий, разворачивавшихся на территории Олонецкой губернии.

Ко времени, когда началось создание Онежской озерно-речной флотилии, история русских речных и озерных флотилий насчитывала целое тысячелетие. Необходимость и важность подобного рода формирований ни у кого не вызывали сомнений, однако никакого теоретического обоснования проблемы их комплектования, обеспечения и применения вплоть до начала XX в. так и не получили. Вопросами речной войны занималось Военное ведомство (армия), тогда как Морское ведомство (флот) ими практически не интересовалось. С его стороны все ограничилось созданием в 1906 г. Амурской флотилии, да и та зачастую воспринималась «как нечто чуждое флоту и Морскому ведомству».

В годы Первой мировой войны ситуация осталась прежней. В 1914–1917 гг. армия создала более десятка различных флотилий и даже приступила к оснащению их судами, специально разработанными для ведения речной войны. Что касается флота, то его участие в этом деле выразилось в основном в откомандировании во вновь создававшиеся флотилии офицеров и матросов-специалистов, а также в передаче минно-артиллерийского вооружения и небольшого числа кораблей. После Октябрьской революции полученный опыт (за неимением другого) было решено взять за основу при создании Онежской флотилии. Однако очень скоро выяснилось, что в условиях, сложившихся в России к лету 1918 г., выполнить принятое решение непросто. С одной стороны, возникли проблемы производственного характера, ибо заводы не могли построить нужное количество новых судов. А с другой, сразу же проявились серьезные организационные сложности. В итоге если технические проблемы удалось решить за счет мобилизации пароходов из водного транспорта, то решение вопросов организационного плана затянулось на долгое время. Это обстоятельство и стало одним из начальных звеньев разразившегося на Онежском озере осенью 1919 г. конфликта.

Почва для него была подготовлена 17 июня 1918 г. – в день, когда Военный Совет Северного участка отрядов завесы и Петроградского района обороны издал приказ о назначении военного моряка Д. И. Федотова начальником Онежской озерно-речной флотилии. Вслед за этим был подготовлен еще ряд документов, определявших основные принципы, на которых должна была строиться флотилия. Главным здесь было то, что флотилия – по сути своей организация военно-морская – в вопросах снабжения оказалась в полной зависимости от баз и складов сухопутных войск. А на них, как можно догадаться, ничего из необходимого для функционирования флотилии имущества не было и быть не могло.

Поэтому морякам – а именно отвечавшему за снабжение помощнику начальника флотилии и начальнику базы Э. С. Панцержанскому – пришлось обратиться за помощью к учреждениям Балтийского флота. Однако и здесь возникли сложности, вызванные «забывчивостью» штабных чинов морского отдела штаба Военного Совета Северного участка отрядов завесы и Петроградского района обороны. Выяснилось, что флот не был поставлен в известность о формировании флотилии, в силу чего никаких указаний относительно оказания ей какой-либо помощи не имеет. Более того, возникало даже подозрение, что флотилия является «самозванной организацией», созданной для «совершения подозрительных сделок». Чтобы исправить положение, пришлось составлять справки, в которых либо указывалось, что «Онежская озерно-речная флотилия состоит на учете и зарегистрирована в штабе Военного Совета Северного участка и Петроградского района», либо выражалась просьба «оказывать полное содействие» начальнику флотилии «по формированию и оборудованию Онежской флотилии».

Однако и после этого отделы снабжения Балтийского флота неохотно соглашались поделиться своим имуществом с флотилией. И это понятно,

потому что, созданная армией, она для флота была организацией чужой. В таких условиях Э. С. Панцержанский был вынужден использовать свои старые флотские связи и знакомства, чтобы по договоренности с судовыми комитетами кораблей резерва Балтийского флота получить необходимое оборудование и принадлежности (спасательные пояса, койки, сигнальные флаги, электротехнические приборы, огнетушители и многое другое).

Множество недоразумений возникло и в связи со штатным расписанием. Штаты и табели комплектации были составлены до получения судового состава в расчете на поступление кораблей, построенных по программам формирования речных флотилий. Однако корабли эти (моторные) так и не поступили, их место заняли другие (паровые), а полученное штатное расписание осталось. По этой причине штабу флотилии пришлось комбинировать, зачисляя специалистов на одни должности и тут же назначая на другие: машинистов принимали мотористами, кочегаров – дальномерщиками, а столь необходимый при переоборудовании и вооружении гражданских судов корабельный инженер стал артиллерийским старшиной.

И без того непростое положение флотилии усугублялось еще и тем, что в течение лета – осени 1918 г. ее неоднократно выводили из одного соединения сухопутных войск и передавали в другое. В июле она вошла в подчинение Олонецкой дивизии, в сентябре – Олонецкой группы войск, а в ноябре – 19-й стрелковой дивизии. Каждый такой перевод сопровождался штабной волокитой и не имел никаких положительных последствий. Военно-морских специалистов в этих дивизиях, естественно, не было, специфики морской службы никто не понимал и норм морского снабжения не знал. Ничего из того, в чем нуждалась флотилия, на дивизионных складах не было, а потому сухопутные органы снабжения «ничем полезным, кроме отпусков денежных сумм и продовольствия, быть не могли». Помимо прочего, пришла зима и стала ощущаться нехватка зимнего обмундирования («майские брюки при 25-градусном морозе»), а главное – нужно было вооружать и ремонтировать суда. Однако денег для этого выделено не было, по причине чего пришлось даже остановить начавшиеся в декабре 1918 г. приготовления к ремонту.

Все это заставило начальника флотилии, а им в ноябре 1918 г. стал Э. С. Панцержанский, ходатайствовать о передаче флотилии в Морское ведомство. 1 февраля 1919 г. в Москве было принято решение, в соответствии с которым Онежская озерно-речная флотилия в административно-техническом и хозяйственном отношениях переходила в подчинение Морскому генеральному штабу, оставаясь в оперативном подчинении 19-й стрелковой дивизии.

На этом завершился первый, самый сложный, этап истории Онежской флотилии, когда она находилась на положении «бедной родственницы флота». Так эту ситуацию назвали сами моряки-онежцы, для которых все происходившее в течение семи месяцев было «глубочайшей несообразностью». С этими словами трудно не согласиться, хотя, если вдуматься, виновных в том, что случилось, найти трудно. По сути, флотилия стала заложницей постигших Россию резких политических и социально-экономических перемен, на которые наложилась полномасштабная Гражданская война и иностранная интервенция.

Переход под эгиду Морского ведомства позволил флотилии решить хотя бы часть насущных проблем, и в первую очередь – подготовить судовой состав к началу кампании. Без задержек тут, правда, не обошлось, но в период с 15 мая по 1 июня 1919 г. основные силы флотилии – дивизион заградителей на Ладожском и дивизион канонерских лодок на Онежском озерах были готовы к бою. Чуть позже к ним присоединились два дивизиона сторожевых судов.

К этому времени территория Онежско-Ладожского перешейка стала ареной боевых действий: с севера наступали английские и белогвардейские части, с запада – отряды финской добровольческой армии. С советской стороны против них действовали части сначала 19-й стрелковой дивизии, а потом – с середины мая 1919 г. – 1-й стрелковой дивизии. Ее начальнику были подчинены все действовавшие на перешейке войска (пограничные, железнодорожные и т. д.), после чего вся группировка стала называться Междуозерным районом. Штабу этих войск, в соответствии с приказом командующего 7-й армией от 15 мая 1919 г., и была в оперативном отношении подчинена Онежская озерно-речная флотилия.

Оперативное подчинение, как о том говорят военные словари, предполагает временное подчинение объединений, соединений и частей на период выполнения боевой задачи командиру, на которого возложено проведение боевых действий или конкретной операции. При этом ответственность за подготовку личного состава и состояние техники выделенных в подчинение сил остается за их прямым начальником. Конечный результат в таких условиях зависит от того, в какой степени одна сторона (в нашем случае фло-

Командный состав Онежской озерно-речной флотилии

1

2

3

1. Э. С. Панцержанский – командующий Онежской озерно-речной флотилии
2. И.М. Лудри – комиссар Онежской озерно-речной флотилии
3. Г. А. Степанов – начальник штаба Онежской озерно-речной флотилии
4. Т. И. Антикайнен – комиссар 2-го батальона 6-го финского стрелкового полка
5. В. А. Яблонский – заведующий политотделения Онежской озерно-речной флотилии

4

5

тилия) способна выполнить поставленные перед ней задачи, а вторая (дивизия) – грамотно распорядиться полученными средствами.

В соответствии с утвержденным еще в мае 1919 г. оперативным заданием флотилия в течение всей кампании должна была, с одной стороны, вести борьбу с морскими силами противника, обеспечив тем самым безопасность плавания по Ладожскому и Онежскому озерам, а с другой, огнем судовой артиллерии содействовать озерным флангам Междуозерного района, осуществлять переброску десантных отрядов и подвоз необходимого для наземных войск продовольствия и снаряжения. Полгода спустя в штабе флотилии были подведены итоги этой деятельности. Выяснилось, в частности, что за период с середины мая по конец ноября 1919 г. корабли прошли 80280 миль, проведя 17 боев с катерами и батареями противника, осуществив высадку одного десанта на Ладожском озере и 14 – на Онежском и взяв при этом значительные трофеи: 21 орудие, 16 пулеметов, 2000 винтовок, самолет, бронеавтомобиль, 2 береговые батареи, а также снаряды, патроны и склады с различным снаряжением.

Приведенные цифры вроде бы говорят сами за себя, но остается ощущение недосказанности. Остается, потому что вслед за перечислением достижений флотилии на страницах «Годового отчета» звучит весьма неожиданный вопрос: «…Нуждается ли Онежская флотилия в каких-либо других подтверждениях своей полезной самодеятельности, кроме указанных выше данных?» Вопрос этот может показаться риторическим, но сама постановка его вряд ли была случайной. По всей видимости, задан он был тем, у кого возникли сомнения относительно «полезности» деятельности флотилии. И вряд ли мы ошибемся, если укажем, что сомнения такого рода могли возникнуть в штабе 1-й стрелковой дивизии.

Анализируя деятельность Онежской флотилии в кампанию 1919 г., следует признать, что у сухопутного начальства имелись основания, чтобы периодически выражать в ее адрес свое неудовольствие. Основным поводом для этого до определенного времени могло быть техническое состояние корабельного состава. И действительно, базировавшийся в Лодейном Поле дивизион заградителей вступил в строй только 15 мая, да и то впоследствии, в разгар боев на Олонецком участке, из трех кораблей боеготовым оставался только один. В Петрозаводске дела обстояли получше, но и там из 8 судов дивизиона канонерских лодок в течение лета в строю находились обычно 5 – 6.

Однако большой вины моряков в этом не было. Задержка с вводом кораблей в строй объясняется сложностями, возникшими во время достройки и зимнего ремонта судов, что для 1918–1919 гг. было, в общем-то, и неудивительно. Вполне объяснимы и частые выходы кораблей из строя по техническим причинам. Бывали, конечно, случаи, когда поломки происходили по вине команды. Но чаще причиной было другое. Заградитель «Шексна» оказался небоеспособным потому, что во время плавания по Свири 29 мая 1919 г. «вследствие старой трещины» потерял руль и лишился возможности управляться на ходу. Заградитель «Березина» практически сразу остался без артиллерии: одно за другим 17 мая и 4 июня у него вышли из строя оба орудия главного калибра. На канонерской лодке № 1 во время боя 8 июля вода, опять-таки «вследствие старых трещин», хлынула во внутренние помещения, и только умелые действия команды спасли корабль от гибели. Ко всему добавлялись поломанные винты и пробитые днища – как результат плавания среди каменистых рифов Повенецкого залива или залива Большое Онего. На исправление этих и других повреждений порой уходило много времени, однако перебоев в деятельности флотилии не было никогда. Иногда вмешивалась штормовая погода, но и она не помешала кораблям находиться в озере до последней возможности. «Позицию» они покинули лишь тогда, когда водная поверхность начала покрываться коркой льда.

Но, судя по всему, сухопутное начальство такими подробностями интересовалось мало. Показательным в этом отношении является сентябрьский рапорт командира 2-й бригады 1-й стрелковой дивизии, в котором он требовал заменить выделенные в его распоряжение сторожевые суда, так как они «…не всегда… могут выходить в озеро и выполнять возложенные на них срочные оперативные задания». Похоже, что комбрига нисколько не смущало то, что плавание в указанном районе было сопряжено с большим риском, что совсем недавно здесь чуть было не погиб, пропоров о камни днище, один из сторожевиков, что из-за ограниченной мореходности судов пользоваться ими «в любую минуту» (в том числе и в шторм) было невозможно, а главное, что заменить имевшиеся суда было нечем, так как замена просто-напросто отсутствовала.

На первый план, таким образом, выходила задача правильного использования морских сил – задача, с которой в годы Гражданской войны справлялись далеко не все сухопутные начальники. Многие из них расценивали флотилии «не с точки зрения подлинной их сущности и вытекающих из

сего подлинных же возможностей, а как придется». Такое отношение часто приводило к разного рода инцидентам, чего, к сожалению, не удалось избежать и в действиях на Онежском озере.

Первые недоразумения возникли уже в мае 1919 г., едва развернулись боевые действия на Ладожском озере. Задача, поставленная перед моряками командованием Олонецкого боевого участка, была проста: «Обстрелом побережья производить панику среди войск противника». При этом, однако, никаких исходных данных для стрельбы по невидимой цели не выдавалось, а заявления насчет бесполезности такой стрельбы во внимание не принимались. В итоге лишь однажды обстрел действительно вызвал панику в финском обозе, а в остальных случаях все заканчивалось примерно так, как 10 мая 1919 г., когда было обстреляно расположение финнов у села Ильинское: «Обстрел произведен. Берега покрыты лесом, расстояние до Ильинского от береговой черты 8 верст. Результаты стрельбы неизвестны. Полное основание утверждать бесцельность ее (*стрельбы.* – **С. Т.**)».

Тем не менее рейды к занятым финнами берегам продолжались вплоть до начала июня, несмотря на то, что против них возражал даже сам командующий Балтийским флотом. А прекратились они лишь тогда, когда во время одного из обстрелов снаряды упали в расположении своих войск. Этот инцидент можно посчитать случайным (хотя сколько же можно было стрелять вслепую), но абсолютно закономерным было другое: бесцельный расход топлива и снарядов, расстрел орудий и, наконец, демонстрация сил и намерений советского командования. Правда, много лет спустя один из бывших чинов штаба Олонецкого боевого участка доказывал, что все это делалось осознанно (чтобы «противник привыкал не обращать внимания на появление в озере судов нашей флотилии и на обстрел побережья») и в итоге способствовало успеху планируемой десантной операции. Однако у моряков возникали вполне обоснованные предположения, что сухопутное командование, так и не уяснив для себя назначение флотилии, просто «старалось ее чем-нибудь занять». Даром эти «занятия» не прошли, и их следствием оказалось появление батарей противника в тех пунктах, «которые отчасти мы сами ему указали».

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что еще с середины мая в штабе Олонецкого боевого участка шла напряженная работа по подготовке десантной операции. «Лихое дело под Видлицей и Тулоксой» (так назвал эту операцию главком И. И. Вацетис), как известно, было проведено 27 июня 1919 г. и закончилось большим успехом, став наглядным примером хорошо налаженного взаимодействия наземных и морских сил. Эта победа оказала решающее влияние на исход боев с белофиннами, которые в скором времени были выбиты за пределы Советской России.

Однако в это же время разворачивались боевые действия на берегах Онежского озера. Положение здесь было более сложным, нежели на Ладоге. Сплошная линия фронта отсутствовала, и события разворачивались на трех не связанных между собой участках: на восточном берегу Онежского озера (вдоль дороги Повенец – Пудож и в районе Водлозера), в северной части Заонежского полуострова (в районе Шуньги) и на западном берегу Онего (в полосе по обе стороны от Мурманской железной дороги).

К началу кампании 1919 г. на Онежском озере флотилия располагала дивизионом канонерских лодок. Списочно в нем значились 8 кораблей, однако в строю в течение всего времени по разным причинам находилось не более 6. Исходя из разработанных в штабе 1-й стрелковой дивизии указаний, на дивизион возлагалась задача поддерживать войска, действовавшие на всех трех участках, одновременно препятствуя водному сообщению противника по линии Повенец – Заонежский полуостров. По требованию сухопутного командования с 28 мая суда приступили к несению дозорной службы в Повенецком заливе. Для этого дивизион был разделен на две сменявшие друг друга дозорные группы, каждая из которых состояла из двух-трех канонерок. Нетрудно догадаться, что два или три корабля не могли одновременно быть в четырех местах, и это обстоятельство само по себе ставило под вопрос выполнение указаний штаба дивизии.

Данный факт можно было бы поставить в упрек флотилии, но сразу же выяснилось, что неукоснительного исполнения этих распоряжений никто и не требовал. Оказалось, что действовавший на восточном берегу Онежского озера отряд Н. Н. Дорофеева (200 чел.) в помощи флотилии не нуждается и никакой поддержки от нее не требует. То же самое касалось и Мурманского (Железнодорожного) участка, где оперировали основные силы дивизии (2163 чел. на 6 июня 1919 г.), которыми командовал К. Дамм. В результате дозорные канонерки и транспорты флотилии оказались в полном распоряжении действовавшего в Заонежье отряда чрезвычайной комиссии (350 чел.), начальником которого с 26 мая был Фролов, а с 1 июня – сменивший его М. С. Антонов.

Последовавшее за этим время (примерно до

середины июля 1919 г.) было наполнено походами, стрельбами и высадками десантов. Но результативность всех этих действий была ничтожной. Противник смог удержаться в Заонежье, а все попытки вытеснить его оттуда закончились неудачей. Причиной того оказалась слабость отряда чрезвычайной комиссии, выражавшаяся в недостаточной подготовке и недисциплинированности его бойцов, подверженности их панике и митинговщине. Командовавший отрядом М.С.Антонов (бывший офицер) не смог сломить бытовавшие среди его подчиненных настроения, в связи с чем все действия отряда свелись к операциям против села Шуньгский Бор и отступлениям к Толвуе и Кузаранде. По словам К. А. Безпальчева, в таких условиях канонерские лодки «превратились в подразделение артиллерийской поддержки отряда Антонова и продолжали топтаться вперед и назад, обстреливая разные пункты на берегу по заданию командира отряда».

В случае если стрельба велась по видимой цели, она была результативной и даже, как было сказано в газете «Олонецкая коммуна», «эффектной». Однако случалось и другое: «сухопутное командование приказывало весьма часто обстреливать побережье, подчас даже не занятое противником и зачастую по невидимой цели, без корректировки и связи». Это вызывало расход снарядов «без существенной к тому надобности и пользы». Вследствие этого командующий флотилией был вынужден даже издать приказ, в котором оговаривались все случаи, когда командир корабля имел право на открытие огня. Указывалось, в частности, что при поддержке сухопутных войск стрельба должна вестись только по видимой цели или с корректировкой и только на основании письменного приказания начальника данного участка.

В июле отряд чрезвычайной комиссии был выведен из Заонежья, а его место на позициях под Толвуей занял батальон 40-го стрелкового полка. Но никаких перемен к лучшему после этого не случилось. Время, потраченное в бесполезных боях в районе Шуньгского Бора, было упущено. Противник укрепил свои силы и, перейдя 3 августа 1919 г. в решительное наступление, уже три недели спустя овладел всем Заонежским полуостровом вплоть до Великой Губы.

Позднее, анализируя причины поражения, моряки назвали в качестве одной из них «неумение сухопутного командования использовать должным образом помощь флотилии…». Однако если уж быть совсем точным, то главной причиной была очевидная слабость отряда чрезвычайной комиссии, который оказался неспособным выполнить возложенную на него задачу. Об этом штаб дивизии был извещен еще в начале июня. Однако никаких мер принято не было, следствием чего и явилась потеря Заонежья.

Но одним только этим районом августовские события не ограничились. Английские и белогвардейские войска наступали и по обоим берегам Онежского озера – на Железнодорожном и Пудожском участках. Везде им сопутствовал успех, и данное обстоятельство, по всей видимости, заставило советское командование принять меры к стабилизации положения в Междуозерном районе. Правда, никаких подкреплений действовавшие здесь войска не получили, потому что в это же самое время шли тяжелые бои на Петроградском фронте. Поэтому все ограничилось в основном мерами организационного плана. В середине августа 1919 г. 1-я стрелковая дивизия была выведена из состава 7-й армии и подчинена командующему 6-й армией. 22 августа 1919 г. был освобожден от занимаемой должности начальник 1-й стрелковой дивизии М. П. Гусаров, а на его место был назначен И. Е. Борзаковский.

Новый начдив, судя по всему, был человеком решительным, не терпевшим возражений и не желавшим отказываться от принятых решений. Поэтому у него с самого начала стали складываться напряженные отношения с руководством флотилии – командующим Э. С. Панцержанским и начальником штаба Г. А. Степановым. Причиной того, как писал позднее комонфлот Панцержанский, было «полное и окончательное незнакомство… (*начдива.* – **С. Т.**) с флотом и теми требованиями, кои могут быть предъявлены к нему».

Первый конфликт возник уже в августе 1919 г., когда И. Е. Борзаковский потребовал вывести в Уницкую, Лижемскую и Кондопожскую губы все имевшиеся на тот момент в Петрозаводске боевые суда, чтобы защитить озерный фланг своих частей от возможных десантов противника. То, что корабли не могут находиться в походе бесконечно долгое время, и то, что необходимо контролировать и остальное водное пространство озера, начдива не интересовало. Через пару недель при высадке десанта на Большом Клименецком острове И. Е. Борзаковский попытался своей волей диктовать флотилии все ее действия (вплоть до расстановки судов). Указания на то, что это противоречит законам военно-морской тактики, в расчет не принимались, а предупреждение о возможных необоснованных потерях парировалось тезисом, согласно которому большие (до 50% состава) потери могут служить лишним доказательством «самоотверженности флота».

Еще через некоторое время при обсуждении плана Лижемского десанта можно было видеть, «как горячо спорили между собой командующие, старавшие[ся] доказать неправильность понимания задачи один перед другим». В итоге и Клименецкая, и Лижемская операции были проведены так, как считали нужным моряки. Это обеспечило максимальный успех при минимальных потерях, но не избавило от разногласий с начдивом-1. Уже 4 октября спор достиг такой глубины, что решать его пришлось в Реввоенсовете Балтийского флота и штабе 6-й армии. Поводом для этого послужило решение И. Е. Борзаковского произвести высадку десанта в Уницкой губе. Возражения, которые высказывал временно исполнявший должность командующего флотилией Г. А. Степанов (вместо заболевшего Э. С. Панцержанского), в расчет не принимались. Начдив упорно настаивал на осуществлении операции, которая могла привести к гибели флота, и только вмешательство сверху заставило его отказаться от этой, как говорил позднее Э. С. Панцержанский, «авантюры».

Но в штабе 1-й дивизии сложа руки не сидели, и уже 6 октября 1919 г. И. Е. Борзаковский подписал приказ № 33, в соответствии с которым вверенные ему части должны были 9 октября перейти в общее наступление. В ходе операции предполагалось разгромить силы противника на берегах Онежского озера, овладеть городом Повенец и станцией Медвежья Гора и выдвинуться к станции Масельская и деревне Телекино. Флотилия, в соответствии с планом, уже утром 9 октября должна была прорваться в Большую губу, уничтожить флот противника и высадить десант в Медвежьей Горе. При этом никаких точных сведений о расположении, силах и намерениях противника в штабах дивизии и флотилии не имелось.

В результате с первого же дня в намеченные графики пришлось вносить коррективы. Корабли флотилии, встретив сопротивление установленной белогвардейцами на острове Мег батареи, были вынуждены отойти к Кузаранде и там (а не в Медвежьей Горе) высадить десант 6-го финского стрелкового полка. Его батальоны двинулись на Типиницы, Великую Губу, Толвую и Шуньгу, и тут случилось то, чего, видимо, не ожидал никто. Белые серьезного сопротивления не оказывали, и уже к 14 – 15 октября «краснофинны» полностью очистили Заонежье от неприятельских войск. Еще раньше, 10 октября, капитулировал гарнизон острова Мег, а 12 октября десант флотилии без боя занял село Челмужи, чем обрушил весь Пудожский фронт белогвардейцев. В итоге в считаные дни противник потерял почти все то, за что боролся в течение целого лета.

Успех наступления был очевиден, но тут же возникли осложнения. Из перехваченных радиограмм и при допросе военнопленных в штабе красной флотилии стало известно об установленных противником в Повенецком заливе минных заграждениях. Где и в каком количестве были поставлены эти мины, толком никто не знал. Знали лишь то, что мины были и что к борьбе с минной опасностью флотилия, не имевшая ни судов-тральщиков, ни достаточного количества специалистов-минеров, была абсолютно не готова. «Пришлось, – по словам комиссара флотилии И. М. Лудри, – все это создавать во время операции». Такое положение заставило командовавшего флотилией Г.А.Степанова действовать осторожно, «вполне обдумывая свои распоряжения, не рискуя кораблями без цели».

Темпы продвижения замедлились. Корабли, задержавшись в Кузаранде, только 14 октября прибыли в Толвую, куда на следующий день были из Петрозаводска доставлены 4 катерных трала. Началась подготовка к тральным работам, занявшая еще 2 дня. Этих дней хватило, чтобы в штабе дивизии почуяли неладное. Начдив И. Е. Борзаковский, а с ним и заведующий политотделением флотилии В. А. Яблонский начали подозревать комфлота Г.А.Степанова в контрреволюционности, саботаже и даже трусости. То, что, как отмечал И. М. Лудри, задержка зависела еще и «от движения десанта на берегу», никого уже не интересовало.

Лишь 17 октября корабли флотилии вышли из Толвуи и в соответствии с приказом № 35 начдива-1 высадили батальон 6-го финского полка в Оровгубе. Взяв деревню Габсельга, батальон вышел на окраины Повенца и, поддержанный огнем корабельной артиллерии, начал бои за овладение городом. Вскоре со стороны Пудожа подошел 9-й стрелковый полк и тоже начал атаки на город. Однако взять его, несмотря на близость успеха, из-за несогласованности действий сухопутного командования не удалось.

После этого начдив И. Е. Борзаковский принимает решение изменить направление главного удара и, высадив десант в Любском Песке, взять станцию Медвежья Гора. 24 октября флотилия получила приказ готовиться к новой десантной операции. Комфлота напомнил о наличии мин и необходимости проведения тральных работ. В ответ прозвучало требование указать сроки проведения этих работ. Тогда Г. А. Степанов, который уже чувствовал складывавшуюся вокруг него обстановку, то ли сгоряча, то ли с отчаянья, ответил: «Пять дней». Ответ был принят, часы пошли, а о том, насколько реальным является указанный

срок, должен был теперь думать командующий флотилией.

Тральные работы были начаты 25 октября, причем сам командующий (минер по своей флотской специальности) выходил в озеро «для обучения личного состава обращению с тралами». Однако ситуация, когда траление пришлось выполнять одним кораблем (второй тральщик получил пробоину и был до 31 октября на ремонте), в непогоду и вблизи вражеского берега, заставляла Г. А. Степанова действовать крайне осторожно. По этой причине, а также из-за нехватки вех, необходимых для обстановления протраленного фарватера, завершить тральные работы к 29 октября не удалось. А это означало, что не состоялась и намеченная на этот день высадка десанта в Любском Песке.

К этому времени обо всем, что происходило на Онежском озере, стало известно и в штабе Балтийского флота, и в штабе 6-й армии. Судя по всему, командарм А. А. Самойло был знаком с мнениями обоих участников конфликта (и Г. А. Степанова, и И. Е. Борзаковского), но от принятия каких-либо мер пока воздерживался, хотя, похоже, принял сторону начдива-1. Во всяком случае в качестве информации для главнокомандующего Вооруженными силами республики им был представлен доклад И. Е. Борзаковского, в котором вся ответственность за происходящее, естественно, возлагалась на Г. А. Степанова. Телеграмма из Вологды, где находился штаб 6-й армии, была отправлена в Москву 28 октября 1919 г. Ознакомившись с ней, главком С. С. Каменев поставил резолюцию: «Сообщить Коморси (*командующему морскими силами.* – **С. Т.**) и выяснить, не пора ли отчислить на отдых комфлота Степанова».

Неудивительно, что в такой обстановке и начальник дивизии И. Е. Борзаковский, и комиссар дивизии М. А. Пеньков окончательно убедились в «контрреволюционной» деятельности комонфлота и потребовали у комиссара флотилии И. М. Лудри арестовать Г. А. Степанова. Но И. М. Лудри отказался выполнить это требование и сразу же сообщил о случившемся в Реввоенсовет Балтфлота. Тогда начальник и комиссар дивизии решили действовать через заведующего политотделением флотилии В. А. Яблонского. Вызвав того в Петрозаводск и обрисовав ситуацию («всякое промедление равносильно смерти…»), они предложили произвести арест Г. А. Степанова политотделению Онфлота. Однако и В. А. Яблонский, весьма неодобрительно относившийся к Г. А. Степанову, а заодно и к ряду других «офицеро́в» флотилии, ответил отказом, сославшись на то, «что это мы не имеем права сделать в настоящее время…».

Тогда начдив решает действовать сам. Вечером 3 ноября 1919 г. он садится на идущий в Заонежье пароход и на следующее утро прибывает в Толвую, где располагались база флотилии и штаб Заонежского боевого участка. Проведя «секретное» совещание с начальником этого участка (командиром 6-го финского стрелкового полка) А. П. Петровым, И. Е Борзаковский прибыл на флагманское судно флотилии и потребовал собрать срочное совещание, на котором намеревался потребовать от Г. А. Степанова объяснений по поводу невыполнения боевого приказа. Настроен комдив был весьма решительно, однако теперь ситуация в штабе флотилии была иной.

Дело в том, что вместе с начальником дивизии на том же судне в Толвую прибыл и выздоровевший командующий флотилией Э. С. Панцержанский. Приступив к исполнению своих обязанностей, он, естественно, принял участие в созванном И. Е. Борзаковским совещании. Кроме него и Г.А.Степанова (ставшего снова начальником штаба флотилии), в каюте флагмана находились комиссар флотилии И. М. Лудри и комиссар штаба флотилии Шатилов. Г. А. Степанов высказал причины, повлекшие за собой срыв операции в Любском Песке. Выслушав эти объяснения, начдив признал их неудовлетворительными и приказал командующему флотилией отправить начальника штаба в Петрозаводск для ареста и предания суду. Командующий, в свою очередь, обратился к комиссару флотилии, «находит ли он преступными действия военного моряка Степанова по прежней его должности…». Получив отрицательный ответ, Э. С. Панцержанский отказался выполнить приказ начдива, попутно заметив, «что оперативное подчинение ему (*т. е. начдиву.* – **С. Т.**) флотилии не дает ему никаких прав вмешиваться в административную жизнь ее», при этом указал ему на законный путь обжалования действий лиц высшего командования флотилии в том случае, если он признает их неправильными и преступными. Разговор после этого пошел на повышенных тонах. В ходе его И. Е. Борзаковский повторил свое приказание в письменном виде, но вскоре, получив письменный же отказ, был вынужден удалиться.

На следующий день (5 ноября) начдив вновь попытался арестовать начальника штаба флотилии – теперь уже с помощью 6-го финского полка. Однако попытка снова не удалась, и причиной было то, что комиссар полка А. П. Вастен отказался выделить для этого красноармейцев. После этого И.Е.Борзаковский решил вернуться в Петрозаводск, но перед самым отъездом вновь попытался добиться ареста Г.А.Степанова, пригрозив Э.С.Панцержанскому срывом «исключительно

важной операции, назначенной на 6 ноября». Однако в ответ вновь прозвучал отказ, причем было сказано, что такая мера, вызванная непониманием начдивом своих прав в отношении флота, «вряд ли может быть оправдана не только революционными законами, но и совестью». На это последовал еще один письменный приказ (и письменный же отказ), а с ним и угрозы в применении вооруженной силы. Однако никакого воздействия это не возымело. И. Е. Борзаковский уехал, а Г. А. Степанов остался исполнять свои обязанности начальника штаба флотилии. Моральную сторону этих дебатов отметил В. А. Яблонский: «…Команд[ир] дивизии и комиссар ее были настолько нетактичны, что восстановили своим непониманием обстановки еще большую вражду…»

Операция по высадке десанта в Любском Песке, отменить которую грозился начальник дивизии, состоялась в ночь с 5 на 6 ноября 1919 г., но успехом не увенчалась. «Флотилия, – писал В.А.Яблонский, – проявила чудеса храбрости, подойдя к Медвежке, высадила десант, и взять Медвежку не смогли уж только потому, что сухопутные части были малы, сильно измучены и все мокры. И, видя то, что такими силами не удержать Медвежку, решили снять [десант]». После этого дальнейшее проведение операции было признано нецелесообразным, тем более что грянули морозы и озеро начало покрываться льдом. 14 ноября корабли с батальонами 6-го финского стрелкового полка вошли в гавань Петрозаводска и встали на зимовку. Из Заонежья советские войска были эвакуированы полностью, а от Повенца их отвели к Челмужам.

Тем временем в Петрозаводск одна за другой начали прибывать различные комиссии и следственные группы. Были проведены допросы и собраны «мнения» всех основных участников конфликта. Ни «контрреволюции», ни явного саботажа выявлено не было. По этой причине никаких серьезных оргвыводов – отстранений от должности и тем более арестов – не последовало, и все начальники – как сухопутные, так и морские – остались на своих местах. В декабре 1919 г. с личной инспекцией Петрозаводск посетил сам командующий Морскими силами республики Е. А. Беренс. Ознакомившись с положением дел «на судах, портах и базах», он отметил большую работу, проведенную командованием и штабом флотилии, и пообещал по возвращении в Москву доложить об этом Реввоенсовету республики. Выяснения и проверки продолжались и в начале 1920 г., но потом все прекратилось. В конце февраля белогвардейский фронт развалился. 1-я стрелковая дивизия перешла в наступление, и 14 марта ее части вошли в Мурманск. Гражданская война на Севере России завершилась, по причине чего ворошить прошлое не было никакой необходимости.

Окончательный вердикт следствия по инциденту между командованием дивизии и флотилии пока неизвестен, но некоторые выводы можно сделать уже сейчас. «Время этих операций, – писал позднее Т. И. Антикайнен (в 1919 г. – комиссар 2-го батальона 6-го финского стрелкового полка), – было богато маневрами и атаками». Задуманное в штабе дивизии масштабное наступление на первых порах разворачивалось успешно. Совместными действиями 6-го финского полка и кораблей флотилии белые в считаные дни были выбиты из Заонежья и с восточного берега Онежского озера. Однако организовать правильную атаку Повенца, собрав для этого все наличные силы, не удалось, после чего, вместо того чтобы продолжить наступление на этом, наиболее перспективном, участке, начальник дивизии начал метаться с одного берега озера на другой, тщетно пытаясь нащупать слабое место в обороне противника.

Командование флотилией в этот момент действовало не столь решительно, как этого требовала ситуация. Но у этого были свои основания, и в первую очередь – неясность с минной обстановкой. Нежелание Г. А. Степанова понапрасну рисковать людьми и кораблями вполне понятно, как понятными становятся и ответные действия И.Е.Борзаковского. Видя, что выполнить запланированное (в частности, взять Медвежью Гору) не удается, он решает найти и «назначить» виновного за провал наступления, в чем его поддерживал комиссар дивизии. Ответственным за неудачу дивизии и должен был стать временно исполнявший должность командующего флотилией Г. А. Степанов.

Двойственную позицию во всей этой истории занимал заведующий политотделением Онфлота В.А. Яблонский, который, похоже, и рад был посчитаться с кем-то из «офицеро́в», но опасался превысить свои полномочия и пойти на открытый конфликт с комиссаром флотилии. В составленном им по следам событий докладе перечислен целый ряд неугодных ему командиров, но выдвинуть против них конкретные обвинения он не смог. Точно так же написал он и о начальнике штаба: «Степанова я также не смею обвинить в измене явной, но слишком большая задержка за Мегостровом преступна».

В этой связи заслуживает уважения принципиальная позиция комиссара флотилии И. М. Лудри и командующего Э. С. Панцержанского, которые не позволили свершиться неправедному суду и защитили честь (а может быть, и жизнь) своего боевого товарища. Несмотря на то что И. М. Луд-

ри вступил в должность комиссара флотилии только 19 сентября 1919 г., он смог разобраться в ситуации, не пошел по пути откровенной конъюнктуры и не стал строить свою карьеру на судьбе бывшего лейтенанта царского флота. Вопреки требованиям И. Е. Борзаковского, он сначала не допустил ареста Г. А. Степанова, а позднее, уже в ходе разбирательства, прямо заявил: «Мое заключение, что в[оенный] м[оряк] Степанов как командующий действительно недостаточно решителен, но его контрреволюционности и саботажа, как это находит зав. политотделом т. Яблонский, я до сего времени обнаружить не мог».

Столь же категоричным оказалось и мнение командующего флотилией Э. С. Панцержанского: «Совместная деятельность с нач[альником] штаба в/м Степановым, а также знакомство с его прежней деятельностью с очевидностью доказывают присущие ему исключительно честное исполнение им своих обязанностей, самоотверженность и преданность делу служения республике».

Следует заметить, что примерно такой же точки зрения придерживалось и большинство моряков из состава корабельных команд флотилии. Деятельность Г. А. Степанова – и как начальника штаба, и как временно исполняющего должность командующего – протекала у всех на глазах. Оценить ее мог каждый, тогда как «личное участие начальника дивизии при выполнении операции ни разу не было усмотрено».

Вся эта история закончилась в феврале – марте 1920 г. Сначала к новым местам службы отбыли И. М. Лудри и Э. С. Панцержанский. Потом на Южный фронт была отправлена 1-я стрелковая дивизия, которой по-прежнему командовал И.Е.Борзаковский. Что касается Г. А. Степанова, то он был назначен временно исполняющим должность командующего Онежской флотилией и вплоть до ее расформирования в мае 1920 г. находился в Петрозаводске.

Вроде бы все обошлось и никто не пострадал. Однако пострадавших все-таки можно найти, и, как выясняется, было их немало. Еще в декабре 1919 г. в штабе флотилии были подготовлены и отправлены в соответствующие инстанции документы на награждение особо отличившихся моряков и экипажей кораблей. Прошли месяцы, флотилия прекратила свое существование, а из всех представленных к наградам моряков орден Красного Знамени получил только один: комендант буксира «Кибальчич» И. И. Шемет. Об остальных «забыли», чему причиной наверняка стал приключившийся осенью 1919 г. инцидент.

Однако время берет свое, и 27 декабря 1921 г. приказом Реввоенсовета республики орденом Красного Знамени был награжден еще один моряк Онежской озерно-речной флотилии. В представлении его к награде было сказано, что, участвуя во многих операциях, он «выказал высокую личную храбрость, самоотверженность и стратегические способности...». Этим моряком стал начальник оперативного управления Морского штаба республики, бывший начальник штаба Онфлота Г. А. Степанов...

□

Сергей Михайлович ТИТОВ

родился в 1958 году.

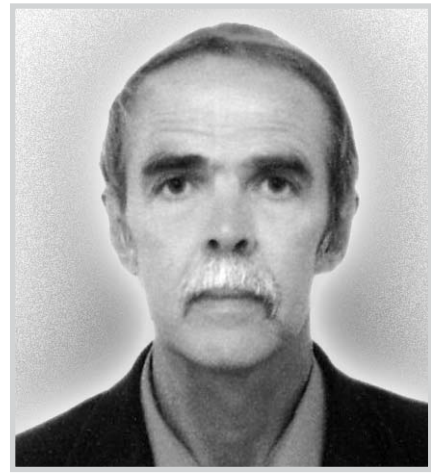
Окончил Петрозаводский государственный университет

по специальности «история».

В настоящее время — заведующий научно-экспозиционным отделом

Национального музея Республики Карелия.

Автор ряда книг и статей

по различным проблемам военной истории.

В журнале «Север» публикуется впервые.